ОПРАВДАЛИСЬ ЛИ НАДЕЖДЫ КРЕСТЬЯН?

После окончания Великой Отечественной войны, сельчане стремились залечить раны войны и надеялись на перемены к лучшему. Некоторые так и говорили: до войны ликвидировали «врагов народа», в битвах разгромили фашизм и милитаризм, а теперь надо восстанавливать и развивать народное хозяйство. И о первых послевоенных годах можно услышать различные трактовки. Например, сторонники и противники колхозов придерживаются противоположных мнений. Если одни утверждают, что, благодаря колхозам из руин поднялась страна, вторые вдоль и поперек проклинают порядки колхозной жизни.

Автор статьи в определенной мере является живым свидетелем колхозно-совхозных порядков. (Он в послевоенное время шесть лет возглавлял первичную парторганизацию колхоза «Серп и молот» Колосовского района). Кроме этого, изучил документы, пожелтевшие под влиянием времени. В данной статье решил прикоснуться, в основном, к 1946—1955 годам. Для этого проанализировал материалы Тарского филиала Государственного архива Омской области (фонд 146, опись 1).

Прямо и откровенно заявляю: тяжело писать о том, что пережили сельчане. Но писать надо для будущего и настоящего. Пишу еще и для того, чтобы не повторились горькие уроки недалекого прошлого.

Первые послевоенные годы характеризовались рядом объективных и субъективных трудностей. Этому периоду даются грустные оценочные суждения. Например, председатель колхоза «Потребкооперация» С. А. Носков на заседании исполкома Орловского сельсовета (протокол № 4 за 1948 год) в своем отчетном докладе заявил: «В моем колхозе дело с весенним севом также идет плохо, тягловой силы мало, трактора нет». Тем не менее, по предложению председателя сельсовета М. Ф. Полянского исполком принял короткое решение: «Обязать предколхоза «Потребкооперация» улучшить ход весеннего сева, чтобы к 10.V.1948 г. посев пшеницы закончить». Обычный командный стиль руководства колхозами: баста, закончить сев.

На заседании исполком Орловского сельсовета 26 июля 1948 г. (протокол № 7), на котором обсуждался ход сеноуборки и подготовки к хлебоуборочной кампании, выступил заведующий Тарского райсельхозотдела т Иванов. В частности, он заявил: «Предколхоза имени «Клары Цеткин» (дер. Большие Кучки) Кучковский, набравшись наглости, в такой прекрасный день (в воскресенье — Я. В.) разрешил выходной день, и всей деревней колхозники вышли косить себе сено, а трактор, который работал на перепашке пара, целый день простоял из-за отсутствия прицепщика». Подобное выступление «главы» сельского хозяйства в Тарском районе больно и немедленно аукнулось не только в душе обвиненного предколхоза, но и в строгом наказании в виде немалого по тем временам денежного штрафа.

Следующее «сказание». 13-го августа 1948 года состоялось заседание того же исполкома, на котором присутствовали председатель сельсовета М. Ф. Полянский, секретарь сельсовета Е. А. Свидерская, члены исполкома И. А. Чемов, П. Ф Свидерский, Е. П. Молчанова, все 12 председателей колхозов и уполномоченный РК ВКП(б) и Тарского райисполкома тов. Машкин. Обсуждался один вопрос — ход хлебоуборки и хлебосдачи государству. В постановлении исполкома оказались три пункта: «1. Посев озимых (ржи) закончить к 25.VIII 1948 г 2. План госпоставок выполнить к 1 IX 1948 г 3 Хлебоуборочную кампанию закончить к 10 X 1948 г.». И снова — баста!

На следующем очередном заседании исполкома, состоявшегося 26-го августа 1948 г., из уст председателя сельсовета в протоколе № 9 зафиксированы обычные дежурные фразы, в которых выражается угроза, а в конце заседания принимаются абсурдные пункты постановления. (Их просто воспроизводить не хочется).

Разумеется, вряд ли кто-нибудь не хотел вовремя убрать урожай, приготовить корм для скота, подготовить теплую зимовку для чего и т. п., но все эти дела, сопровождаемые угрозой и суровой карой, совершались по команде сверху, в жесткие сроки. Между тем, результаты труда сельских тружеников, попросту говоря, отбирались, а им на трудодни отпускались минимальные доли хлеба, денег и др., о чем писал я в ранее опубликованных статьях.

Теперь пример из социальной жизни деревни. В протоколе № 13 заседания исполкома того же сельсовета отражено обсуждение одного из вопросов — о праздновании праздника 31-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. По нему принято решение: «Усилить сторожевую охрану в учреждениях, колхозах, на складах, молочно-товарных фермах, в конторах, сельсовете, сельпо, на маслозаводе».

Я. НОСКОВ,
бывший колхозник.

(Продолжение следует).

ОПРАВДАЛИСЬ ЛИ НАДЕЖДЫ КРЕСТЬЯН?

(Продолжение. Начало в № 6).

Решение принималось для того, чтобы «враги народа» не смогли поджечь общественное имущество. Свидетельствую, что таких намерений не было ни у кого не только под влиянием всесильного страха, исходившего от «вождя народов» и его ставленников, но и по причине бережного отношения тружеников к народному достоянию. Все это в конечном итоге сводилось к одному — чтобы свои сильнее боялись и безропотно повиновались.

Кроме внутриколхозных дел сельчане выполняли различные государственные повинности: заготавливали лес в дремучих урманах, строили и ремонтировали дороги, мосты, гати. К примеру, колхозам доводился план заготовки древесины для строек страны. Многие понимали, что это нужное дело. Но тяжелые работы, производившиеся в тайге Тарского и Васисского районов, оплачивались копейками, а иногда и такой оплаты не производилось. Нормы выработки в кубометрах (валка леса, его распиловка, колевка, доставка древесины к берегу р. Иртыша для сплава) по существу, доводились невыполнимыми. Все эти работы называли образным словом — «кубами». Так и говорили: «Меня гонят на куба». А более смелые лесозаготовку окрестили просто «кубовой принудиловкой». Действительно, трескучие морозы, употребление сухой пищи, которая доставлялась сюда от места жительства работающих, отсутствие опыта лесозаготовительных работ отрицательно сказывалось на настроении людей, в том числе и молодежи.

Кроме «кубов» выполнялись работы по строительству и ремонту земляных работ, которые служили средством связей между населенными пунктами. Эти работы производились лопатами, грунт перевозился на лошадях и быках, запряженных в телегу. Такие работы, выполнявшиеся летом, были более благоприятными, чем «куба».

Да, первые послевоенные годы оказались нелегкими. Но колхозники не падали духом, любили сам процесс труда, старательно относились к выращиванию урожая и домашних животных.

При этом они размышляли с оптимистическим прицелом:

«Пока живем плоховато, но скоро будем жить лучше, зажиточней». В этом и заключалась вера и величие народного духа.

Подневольный труд косвенно признавался и руководителями властей. Один из председателей сельсовета Тарского района на заседании исполкома, состоявшегося 16-го января 1949 г., глаголил: «Наш сельский совет план лесозаготовок совершенно сорвал. Люди работают очень плохо, выезжают на работу очень поздно, с работы приезжают очень рано, нормы не выполняют». Употребление слова «очень» в многократном наборе говорило само за себя. Но это еще не все.

4-го ноября 1949 года на сессии того сельсовета обсуждался вопрос: «О проработке письма товарищу Иосифу Виссарионовичу Сталину от колхозников и колхозниц лесозаготовительных районов Омской области». В связи с обсуждением этого письма, чтобы было меньше «очень», сессия приняла постановление: «1. Обязать предколхозов подобрать людей и вручить им повестки как пешим, так и конным. 2. Не позднее 9-го ноября 1949 года полностью отправить на лесозаготовки как пеших, так и конных по плану, доведенному райоином».

Во исполнение подобных постановлений в архивах хранятся такие «ценные указания»: «На нерадивых колхозников представлять материалы для привлечения к уголовной ответственности», «Обязать руководителей колхозов обеспечить стопроцентную явку людей в контору колхоза для работы с ними представителей лесозаготовительных органов».

Бедного колхозника не только принуждали к работе, но и с него, образно говоря, сдирали не одну шкуру, как современные цены Например, взимались всевозможные налоги.

Я. НОСКОВ,
бывший колхозник

(Окончание следует).

ОПРАВДАЛИСЬ ЛИ НАДЕЖДЫ КРЕСТЬЯН?

(Продолжение. Начало в №№ 6, 7).

Выколачивались деньги по «добровольной» подписке на государственные займы. Сборами денег занимались не только штатные работники, например, налоговые агенты, но и селькомсодовцы. В Орловском сельсовете таковых насчитывалось два десятка. Расшифровывается эта должность так: селькомсод — сельский комитет содействия в подписке и сборе денег на займы. Члены такого комитета нарекались сокращенно — селькомсодовцами. Всякое бывало, всякие причудливые названия придумывались. Но суть оставалась одна — больше и быстрее обобрать сельчанина.

Попытаюсь рассказать еще об одном средстве притеснения крестьян. 11-го января 1955 года в свет вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за потраву посевов в колхозах и совхозах». Во исполнение этого Указа местные власти усердно (оперативно и аккуратно взыскивали за потраву, как в виде денежных, так и натуральных штрафов. Так, с членов колхоза имени «Л. М. Кагановича» Антроескова и Мокроусова взыскано по 100 кг пшеницы. Почти все лето 1955 года проводились заседания исполкомов, рассматривались многочисленные акты о потравах. 27 августа 1955 года из 38 домохозяев дер. Свидерской оштрафованы 11. Каждому пришлось уплатить от 30 до 85 рублей и одновременно сдать колхозу от 44 до 165 кг хлеба. (По тем временам это было значительным наказанием, вернее, грабежом среди белого дня и на основе Указа от 11.I.1955 года.

У читателя невольно может возникнуть вопрос, почему же колхозники травили посевы, которые они сеяли и обрабатывали в тяжелейших условиях (при наличии ручного труда, полуголодного прозябания, строгих мер наказания и др.)? Как говорится, ларчик просто открывался. Почти все выгоны (пастбища) для личного скота были перепаханы, огороди (поскотины) ликвидированы. Короче говоря, личное хозяйство сельчан было поставлено на грань уничтожения, исчезновения. В годы правления страной Н. С. Хрущева, эта тенденция выдвигалась на передний план. Старшее поколение до сих пор проклинает политику по уничтожению личного скота, плюет в воздух.

Иногда спрашивают, кто же проводил подобную политику? Некоторые продолжают утверждать, что в управлении советским государством участвовали избранники народа, что в стране процветала демократия. Для обоснования противоположного мнения воспользуюсь архивными данными. Возьму 1961 год, когда шум-бум о демократических преобразованиях оказался наибольшим. Готовилась Программа партии, согласно которой намечалось построить коммунистическое общество к 1980 году.

Так вот, в 1961 году в Орловском сельсовете насчитывалось 1283 избирателя. Они проживали в одном объединенном колхозе «40 лет Октября». Из их числа в сельский совет избирались 20 депутатов. Из числа 20 «слуг народа» пять человек являлись членами исполкома во главе с председателем. Теперь подсчитаем, сколько же людей участвовало в управлении этой территорией?

20 депутатов, из которых действующими были пять членов исполкома, секретарь первичной парторганизации, в которой насчитывалось 11 членов партии, и один председатель колхоза, всего семь правителей, которые от 1283 избирателей составляли чуть более 0,5 процента. К этому добавим, что «слуги народа» выбирались по подсказке сверху, где каждую кандидатуру обсасывали, проверяли на «вкус» много раз. Если точнее говорить, то управляли один—два человека со своими ближайшими помощниками. Уже выше указывал, что подобную должность я сам занимал более десяти лет. Поэтому технология этого управления мне известна и без архивных данных.

Всякие указания сверху (толковые, малопонятные и абсурдные) подлежали неукоснительному исполнению. Тут уместно воспроизвести анекдот, о котором мне поведал близкий друг, житель г. Тары А. В. Черняев.

Второй и третий секретари райкома партии встретились в непринужденной обстановке. Завязалась беседа:

— оказывается, крокодил летает, — говорит второй секретарь;

— да нет же. Не видел и нигде не читал, что он может летать. Откуда ты узнал? — спрашивает третий секретарь;

— первый секретарь сказал, —ответствовал собеседник.

Третий секретарь задумался, почесал в затылке. Затем изрек: «Крокодил летает только нызнюко». (Он по национальности был украинцем). Во время изречения при помощи руки показал короткую и пологую траекторию полета пресмыкающегося.

Действительно, функционировала сравнительно стройная система, в которой «дубина» и «пресс» держали рядовых сельчан в страхе и трепете, вынуждали безропотно выполнять всякие ЦУ. Председатели колхозов являлись «опорными столбами», на которых держалась всякая работа и через которых претворялись постановления партии и правительства. Правда, во всех документах и докладах руководителей колхозов обычно называли в форме фамилий (Чемов, Носков и др.), а начальников районного и высших уровней — с прибавлением слова «товарищ». Здесь все укладывалось в логическую строку.

Так как сельские труженики не могли быть заинтересованными в труде и продаже сельхозпродукции, то для этого и была создана командно-административная система.

Я. НОСКОВ,
бывший колхозник.

(Окончание следует).

ОПРАВДАЛИСЬ ЛИ НАДЕЖДЫ КРЕСТЬЯН?

(Окончание. Начало в №№ 6, 7, 8).

Она функционировала долго, многое в ней было отлажено неплохо. Поэтому процесс разрушения ее происходит болезненно, медленно и зигзагообразно. Еще продолжает летать крокодил.

Путем выколачивания из крестьян сельхозпродукции выполнялись планы государственных заготовок. На их долю оставалось, в среднем, 10—20 процентов всего того, что производили коллективные и личные хозяйства. Поэтому жители городов имели более или менее сносный прожиточный минимум, а жители сельской местности бедствовали из года в год (имеется в виду период после насильственной коллективизации). Некоторые сельчане стремились переехать в города. Но на этом пути было немало препятствий, например, отсутствие паспортов.

Что касается политических прав, в частности, избирательных, то они скрытным образом были урезаны до минимума. Организованный шум вокруг выборов в Советы создавал лишь видимость жизни людей в сфере народной демократии.

Нужно заметить, что представители партийно-советского актива отдавались работе сполна. Например, заседания проводились до глубокой ночи, иногда до первых петухов. Скажем, в период проведения кампании по подписке на заем они трудились всю ночь напролет. Активисты знали психические особенности отдельных граждан: на одного можно подействовать угрозой, на второго — приторной лаской, на третьего — обманом, по отношению к четвертому прикидывались ложным другом и т. п. Председатели колхозов и бригадиры знали, у кого какая одежда и обувь. Это позволяло одного человека в зимнюю стужу отправить на «куба», о чем рассказывалось выше, второго — оставить на работах вблизи жилища. Короче говоря, в распоряжении руководителей имелась достаточная информация, которая была нужна для управления людьми и представления сведений в верхние эшелоны власти.

На заседаниях партбюро или исполкомов строго наказывались те начальники, которые оказывались провинившимися. Это создавало у рядовых тружеников мнение о справедливости в деятельности партийно-советских органов. Наоборот, передовиков из числа рядовых граждан щедро поощряли как материально, так и морально, выдвигали кандидатами в депутаты и на другие должности.

Описанное не претендует на сам-пят. Но все же оно может послужить уроком, в процессе которого находятся наши современники, проживая в сложных социально-экономических условиях. Может быть, мои рассуждения в какой-то степени дадут ответ на вопрос, сформулированный в заголовке данной статьи.

Я. НОСКОВ
бывший колхозник